

Михаил Арцыбашев

Тени утра

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А88

А88 **Арцыбашев М.**
Тени утра / Михаил Арцыбашев – М.: Книга по Требованию, 2012. – 48 с.

ISBN 978-5-4241-2654-3

Широкая, более того - скандальная известность Михаила Петровича Арцыбашева (1878 - 1927) начались с публикации его романа "Санин" (1907). Многие критики восприняли роман как пропаганду аморализма. Нынешний читатель убедится, что эти претензии вряд ли справедливы. Ярко и психологически убедительно писатель рисует образы молодых людей той поры, их настроения и нравы.

ISBN 978-5-4241-2654-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Михаил Арцыбашев
Тени утра

I

Была весна. Паша Афанасьев, гимназист восьмого класса, освобожденный от экзаменов по болезни, и гимназистка Лиза Чумакова стояли у плетня, который перегораживал два сада. Лиза прислонилась плечом к плетню, и с тем, еще детски серьезным и уже девически нежным выражением своих серых, немного выпуклых глаз, которое появлялось у нее всегда в важных случаях жизни, слушала и глядела вниз, на книгу, которую держала, и на оборки своего светло-серого платья. А Паша Афанасьев, с другой стороны навалившись грудью на плетень, потому что ему было трудно стоять, — высоким, надтреснутым голосом говорил:

— А если вас не пустят, так удерем сами!.. Не пропадем... как-нибудь! Я вам там уроки достану, переписку какую-нибудь. Проживете, ничего!.. А трудно будет сначала... так что ж, без этого нельзя! — беззаботно махнул рукой Паша Афанасьев. — В этом даже своя прелесть есть, право... А то что ж тут торчать?.. Там ведь жизнь какая!.. Там все движется, живет... С работы на сходку, — со сходки в театр или библиотеку... вот это я понимаю, это жизнь настоящая; а то, что ж это?.. Я как подумаю, что двадцать лет просидел в этой дыре проклятой, так...

Паша Афанасьев отломил от плетня гнилую серую палку и с отчаянием швырнул ее в траву.

Где-то далеко, за зелеными деревьями и кустами, разливавшими вокруг какое-то бесконечно зеленое море, насквозь пронизанное светом и тысячами удивительно отчетливых свежих звуков, горничная Чумаковых Василиса звонко прокричала:

— Ба-рышня!.. идите обедать!.. Ау!.. В этом неожиданном лесном «ау» было что-то такое бесшабашно веселое и жизнерадостное, что Лиза и Паша Афанасьев разом взглянули друг на друга и улыбнулись.

— Иду-у! — громко, так, что где-то вблизи вздрогнуло маленькое круглое эхо, крикнула Лиза, оттолкнулась плечом от плетня и, опять сделав то же наивно-серьезное выражение лица, сказала низким и полным голосом:

— Может быть, и не пустят, но я поеду... — и, помолчав, прибавила: — Я уж так решила.

Паша Афанасьев восторженно щелкнул пальцами.

— Ну, вот это я называю — молодец Лизочка!.. — радостно задрожавшим, светлым голосом сказал он. И вы жалеть не будете, Лиза, милая!.. Они, что ж... посердятя и перестанут; а у вас вся жизнь впереди!.. Эх, заживем мы там с вами!.. Работать будем так, что только держись!.. Время-то теперь горячее, рабочее, — люди нужны... Кружок у нас там будет свой, хороший... Будем искать людей дела! — басом прибавил Паша Афанасьев. — Мы с вами ведь еще и сами не знаем, какое счастье окунуться в самую гущу жизни... Когда идешь и чувствуешь, что тут рядом, плечо в плечо, шагают такие же люди, рабочие, сильные... смелые...

Паша Афанасьев сжал кулаки и задорно встряхнул головой. На лицо его падал свет, и темные глаза блестели восторгом и силой, и оттого ярче обозначались на этом лице бледные черты слабости и болезни. Лиза внимательно и доверчиво смотрела на него.

— А то читаешь, как люди живут, борются, свое счастье куют... иной раз дух захватывает, так, кажется, и побежал бы впереди всех, а... ты только из книжки, сидя за чаем с вареньем, и узнаешь, что есть какая-то иная жизнь, не похожая на твое куриное прозябание...

Лиза тяжело вздохнула и дернула себя за кончик косы.

— Итак, значит, по рукам? — с шутливой торжественностью спросил Паша Афанасьев, протягивая руку через плетень.

Лиза, улыбаясь, посмотрела в его юное милое лицо, — такое мужественное и также нежное, чуть тронутое пухом, — и подала свою руку, маленькую, с пухлой ладонью и прелесть какими хорошенькими, изящными пальчиками, которые так и хотелось медленно и осторожно перецеловать все подряд. Паша Афанасьев крепко встряхнул ее, и на глазах у него выступили светлые беспричинные слезы.

— Ах, вы, милая моя Лизочка! — задушевно-напряженным голосом сказал он и слабо вздохнул больною грудью.

— Барыш-ня!.. — настойчиво прокричала где-то уже совсем близко Василиса.

Лиза кивнула головой Паше Афанасьеву и пошла по дорожке, быстро и упруго ступая желтыми туфельками на обтянутых черных чулках.

— Да... — вдруг хлопнул себя по лбу Паша Афанасьев. — Лиза!..

Лиза сейчас же остановилась и оглянулась.

— Я вам и забыл сказать... Попутчица-то для вас уже есть: Дора Варшавская... Тоже на курсы едет... Она из Полтавской гимназии...

— Жидовка? — спросила Лиза издали.

— Жидовка... то есть еврейка! — огорчился Паша Афанасьев. — Как вам не стыдно, Лиза, ей-Богу?! Я думал, вы выше этого!..

Лиза внимательно и серьезно посмотрела на него.

— Я не о том... сказала она спокойно. — Так...

— Я вас с нею сегодня познакомлю на бульваре, хорошо? — спросил Паша Афанасьев, мигом успокаиваясь. — Она очень хорошая, развитая девушка...

Паша Афанасьев задумчиво посмотрел ей вслед, держась за плетень обеими вытянутыми худыми руками и покачиваясь взад и вперед. Потом мечтательно поглядел вверх, где сквозь зеленую решетку листьев ярко голубело небо. В голове у него все еще стояло что-то огромное, какие-то рычаги, люди, какое-то веселое и страшное движение. Паша Афанасьев закрыл глаза, провел рукою по мягким волосам и пошел домой, прямо по бурьянам, по молодой зеленой траве, сплошь пересыпанной мелкими разноцветными глазками простых цветов.

Стол был накрыт на балконе, и Павел Иванович с Ольгой Петровной сидели за столом. Василиса подавала белую миску с зеленой ботвиньей, звеня своими бесчисленными монистами на раскачивающейся во все стороны крупной и твердой груди. Гимназистик Сережа бежал с балкона за сестрой.

— Иду, иду! — крикнула она ему и вдруг, встряхнув косой, увернулась и неожиданно пустилась бежать вокруг площадки, быстро мелькая желтыми туфельками. Сережа взвизгнул от восторга и понесся за ней. На балконе удивленно и озабоченно залаяла белая лаечка и, подняв хвост калачиком, со всех ног пустилась за ними, точно покатился какой-то пушистый белый шарик.

Павел Иванович степенно опустил газету на колени, снял очки и снисходи-

тельно улыбнулся. Ольга Петровна пролила мимо тарелки ботвинью и засмеялась.

— Ну, расшалилась... а еще невеста! — мягко и с радостной любовью сказала она.

Лиза стремглав облетела вокруг большой клумбы, налетела на лаечку, запутавшуюся в подоле ее серой юбки, и упала на дорожку, руками в чистый желтый песок. Развернувшаяся книга, сверкнув на солнце белыми листами, далеко полетела в траву.

— Ага! — оглушительно закричал Сережа и осторожно схватил ее за длинную, развившуюся косу. — Поймал!

— Я сама упала... — серьезно возразила Лиза, встала, подняла книгу и степенно пошла на крыльцо. Лаечка выжидательно вертелась у нее под ногами, то и дело становясь на задние лапки; а Сережа задира, встряхивая круглой выстриженной головой.

— Да... упала... Я бы все равно поймал!

Лиза села за стол, взяла ложку и задумалась. Все смотрели на нее. Было что-то такое радостное, милое и красивое в ее молодости, в ее небольшой упругой груди за серым, строгим платьем, в ее только что закруглившихся плечах, в свежем запахе ее волос и нежного, сильного, молодого тела, — что вокруг нее всегда и везде устанавливалась чистая атмосфера молодой радости, в которой легко дышалось и интересно, весело жилось. Ее новая, могучая жизнь, наполнявшая все ее существо, была ключом, освещала и согревала все вокруг.

Ложки слабо позвякивали о края тарелок; лаечка чихала под столом; солнце золотило волосы Лизы. Было просто, тихо и светло.

II

Вечером пришел корнет Савинов, предполагаемый жених Лизы, и зазвенел на балконе шпорами, сверкая лакированными голенищами сапог и туго натянутыми рейтузами.

Было так тихо в воздухе, прозрачном и светлом от лучей уже невидимого солнца, что все звуки казались стеклянными и дрожащими, а легкое покашливание корнета гулко отдавалось в саду между темными, сочно зелеными деревьями.

Сережа надел фуражку и пошел на реку ловить рыбу удочкой, на которую, черт знает почему, никогда ничего не ловилось; а Лиза закрутила в толстый жгут волосы и сказала:

— Николай Николаевич, мы пойдем на бульвар.

Корнет радостно звякнул шпорами и, отчетливо шагая лакированными сапогами, принес ей с балкона накидку.

Они пошли под руку, и в тех напряженно осторожных движениях, с которыми корнет нес маленькую круглую ручку, доверчиво лежавшую на белом рукаве его кителя, было видно, что все его существо, плотно затянутое в рейтузы и китель, также напряжено в одно бесконечно благоговейное чувство любви, восторга и робкого, почти целомудренного желания.

На дворе они встретили мамку квартирантов с маленьким ребенком на руках. Ребенок таращил глупые водянистые глазки и тянулся к Лизе.

Лиза бросила корнета и взяла ребенка на руки. Она высоко подкинула его вверх, потом прижала щекой к своей щеке и посмотрела на корнета.

— Гм!.. — хмыкнул ребенок и счастливо засмеялся, размахивая короткими обрубками-ручонками и пуская пузыри.

Лиза вдруг сконфузилась, отдала ребенка и чинно пошла вперед. На лице у корнета было написано такое счастье, что оно стало блаженным.

На бульваре их встретил Паша Афанасьев, гулявший с маленькой, сухонькой барышней, у которой были большая голова с сухими черными волосами, еврейские миндалевидные глаза и мелкие, торопливые движения.

— А, вот и вы, Лиза! — громко сказал Паша Афанасьев, и не сразу, сухо прибавил корнету, которого, как и всех военных, не любил и считал глупым, пустым человеком:

— Здравствуйте, господин Савинов!

— Здравствуйте!.. — дружелюбно ответил корнет. Паша Афанасьев немедленно отвернулся от него и сказал Лизе и маленькой еврейке:

— Ну, вот познакомьтесь: это Дора Моисеевна Варшавская, а это Лиза Чумакова, о которой я вам говорил...

Лиза протянула руку, и Дора крепко и отрывисто встряхнула ее своей узкой и сухой рукой.

— Очень рада с вами познакомиться... Паша мне много о вас рассказывал.

В конце бульвара был военный клуб, и в саду играла музыка. Звонкие металлические звуки труб далеко разносились по бульвару, гоняясь друг за другом в каком-то неопределенном мотиве, не то очень грустном, не то очень игривом.

Девушки пошли рядом впереди, а корнет и Паша Афанасьев тоже рядом сзади.

— Трам... та-та... трам... та-та... там! — тихо и с удовольствием повторял за мотивом корнет.

— Терпеть не могу военной музыки! сказал Паша Афанасьев, брезгливо морщась не потому, что ему действительно были неприятны звуки труб, — в таком прозрачном воздухе все звуки были чисты и приятны, — а потому, что корнет казался ему пошлым и раздражал его.

— Разве? — спросил корнет дружелюбно и высоко поднял брови.

Представьте себе! с иронией ответил Паша Афанасьев. — И звуки какие-то пошлые, и мотивы ваши капельмейстеры выбирают какие-то... черт их знает!.. Скажите, пожалуйста, ведь есть же хорошая музыка!.. А впрочем, у них в каждом звуке слышится, что до музыки собственно никому нет никакого дела, а просто надо увеселять обывателей, — ну, и увеселяют...

— Что ж, — уступчиво возразил корнет, — все-таки приятно, знаете, в такой чудный вечер послушать хорошенький мотивчик.

Паша Афанасьев посмотрел на него с уничтожающим презрением и закусил себе губу.

— Вот, — с удовольствием прислушиваясь, сказал корнет, — оч-чень хорошо... Это из «Гейши»... — с еще большим удовольствием пояснил он и слегка прищелкнул в такт пальцами.

Паша Афанасьев, окончательно искривив губы, посмотрел на него и хмыкнул носом. Лиза повернула голову и серьезно посмотрела на корнета.

— Ну-с, — сказал Паша Афанасьев, помолчав, — итак, мы все осенью дви-немся...

— Да... — резковатым и отрывистым голосом ответила Дора.

— Куда? — спросил корнет удивленно.

— В Петербург! — ответил ему Паша Афанасьев, и ему почему-то стало жаль корнета.

— То есть... А Лизавета Павловна? — тем же удивленным тоном спросил корнет, и в его мужественном голосе что-то вздрогнуло.

— Все, все тронемся!.. — сказал Паша Афанасьев. Корнет замолчал, и на его красивом и неумном лице ничего нельзя было разобрать.

— Вы решили, на какие курсы? — деловито спросила Дора.

— На медицинские, конечно! — с жаром ответил за Лизу Паша Афанасьев.

— На медицинские... — серьезно сказала и Лиза.

— Я думаю, тут не может быть выбора! — горячо заговорил Паша Афанасьев, как-то чересчур молодо размахивая руками. — Что такое при теперешних условиях педагогические курсы? Чепуха!.. Учить тому, чему вам хотелось бы, не позволят, а вдабливать азбуку... слуга покорный!.. То ли дело медик! В его-то дело вмешаться трудно... А какое, в сущности, счастье хоть одного человека спасти от смерти или страданий!.. Глядишь, совсем пропала жизнь и вдруг... ведь это только понять надо!..

Добрые большие глаза Паши от волнения покрылись влагой.

— Да, и притом это самое нужное теперь народу! И медику легче всего пропагандировать! — немного в нос отозвалась Дора.

Музыка оборвалась на высокой ноте резкой и звонкой трубы. Стало тихо. Звезды незаметно высветились над городом, а на бульваре потемнело так, что не видно стало уже лиц. В конце бульвара, под большими липами, вспыхивали па-

пиросы и чуть-чуть белели кители офицеров.

— А впрочем, — проговорил Паша Афанасьев таким углубленным голосом, точно отвечал на свои собственные мысли, — всякий труд есть труд прежде всего... Исполняй честно свое дело, а польза будет... Дело не в том, а в том, чтобы самому зажечь настоящей жизнью, чтобы были в ней борьба и победа... Ах, когда я подумаю, что еще два-три месяца и я буду далеко от всех этих сереньких, сытеньких, спокойненьких людишек, от всех их мелких интересиков, — так у меня даже в груди что-то замрет!

Корнет издал какой-то неопределенный, дрожащий звук.

— Что? строго спросила Лиза. Корнет промолчал.

— Главное — учиться, учиться и учиться! — резким голосом, точно считая, и встряхивая головой, проговорила Дора. — В этом сила, в этом все!.. Нам нужны только образованные люди, — довольно дилетантов... С голыми руками в наше время ничего не сделаешь!

— Ну, да, — сказал в темноте голос Паши Афанасьева. — И не только для того, чтобы что-нибудь сделать, а прежде всего для самого себя, для своей личной жизни прежде всего... Надо знать все, чтобы уметь понимать всю красоту и радость жизни!

— Расширить кругозор... — вдруг неестественно уверенным тоном, в котором было слышно что-то робкое и жалкое, сказал корнет.

Все внезапно замолчали, так что стало даже неловко.

Лиза опять посмотрела на корнета, но в темноте не увидела ничего, кроме белешего кителя.

Паша Афанасьев засмеялся коротко и враждебно. У него уже не было жалостливого чувства к корнету, а было приятно оборвать его и унижить.

— Для корнета христолобивого воинства и то слава Богу! — шепнул он Доре.

— Н-да... — сказала Дора, и по голосу ее было слышно, что она сдерживает насмешливую злорадную улыбку.

И, оттого что пропало чистое дружелюбное настроение и сменилось мелкой злорадностью и обособленностью, вдруг всем стало уже не так весело, как-то пусто и неловко.

— Пора по домам, — сказал Паша Афанасьев и почему-то вздохнул. Дора зевнула.

— Да-а...

Они все проводили Дору до ворот ее дома и пошли назад втроем. Дорогой Паша Афанасьев спрашивал корнета, читал ли он Ницше и Маркса. Корнет отвечал, что читал; но в голосе его была слышна неуверенность, и когда Паша Афанасьев злорадно спрашивал его, помнит ли он то или то, корнет каким-то мучительно тупым голосом и, дыша через нос, говорил:

— Не помню, право... Кажется, это я пропустил... Знаете, так мало времени свободного...

Лиза серьезно слушала их, и ей было странно, что одно время, еще так недавно, она собиралась замуж за корнета. Теперь она подумала, что этого ни в коем случае не будет, и почему-то ей стало грустно.

Паша Афанасьев остановился у своего дома, а корнет проводил Лизу еще несколько шагов до калитки ее двора. Им было слышно, как Паша Афанасьев,

подымаясь на деревянное крыльцо, стучал каблуками, а потом загремел щеколдой.

— До свиданья, Николай Николаевич! — сказала Лиза, протягивая руку.

Корнет взял ее руку и сейчас же выпустил.

— Лизавета Павловна, — вдруг заговорил он дрожащим и странным у такого большого, мужественного человека, слабым голосом, — это, значит, правда, что вы уезжаете?..

Лиза вдруг неприятно вспомнила, как Паша Афанасьев, смеясь, уверял ее, что, когда она скажет Савинову о своем отъезде, корнет вытащит из кармана пушку и сейчас же «безвозвратно» застрелится.

— Еду... — сухо и даже враждебно, как никогда ни с кем не говорила, ответила она.

Корнет помолчал.

Левая нога его в гладко натянутой синей рейтузе сильно дрожала и что-то непонятное, тяжелое и безнадежное давило под грудь.

— Так... — срываясь, выговорил он. — Зачем?..

— Учиться, конечно... — пожала мягкими плечами Лиза и строго посмотрела на него.

— Разве это... непременно надо? спросил корнет.

Лиза не ответила, и ей все страннее казалось, как это она могла думать выйти замуж за такую тупую и ограниченного человека.

— Ну, пора домой... — сказала она холодно. — До свиданья!

— А я, Лизавета Павловна... что ж... пулю в лоб!.. — пробормотал каким-то бессмысленным и тяжелым голосом корнет и совсем не то, что хотел сказать.

— Из пушки? — серьезно спросила Лиза.

— Н-нет... — удивился корнет. — Почему из пушки?

— Так... До свиданья! — сказала Лиза и опять протянула руку.

Корнет хотел еще что-то сказать, но мучительно проглотил и остался один. С минуту он стоял неподвижно, а потом повернулся и тихо пошел по улице, цепляясь шпорами.

Сторож неодобрительно постучал где-то в темноте под забором.

III

Через четыре месяца Лиза Чумакова и Дора Варшавская ехали в Петербург. Паша Афанасьев уехал раньше и должен был встретить их на вокзале. Ехали они в третьем классе.

Была уже осень, и погода стояла серая, дождливая, но еще светлая и тихая. Дождь шел целый день. Все было мокро — и вагоны, и рельсы, и начальники станций; шпалы почернели; проносившиеся мимо вздувшиеся речонки и лужи мелко рябили от дождя. Все было мокро и блестело, точно на каждом желтом листочке, на каждом столбе, на земле, на людях — была своя водяная прозрачная корочка. И все мелко дрожало и струилось под дождем.

Дора сидела на своем месте в вагоне и читала, а Лиза стояла на закрытой площадке у окна и смотрела своими выпуклыми, немного вопросительными глазами назад, где дрожащий за сеткой дождя мокрый, серый горизонт сливался с белым, однообразным небом. И ей все казалось, что оставленный город, отец и мать, Сережа, лаечка, старый дом, все такое бесконечно дорогое, до боли милое, где-то тут, сейчас же за горизонтом, и что если приподняться повыше на цыпочки — увидишь.

— Тра-та-та... тра-та-та... тра-та-та!.. — ритмически, с железной жестокостью стучал поезд, уносясь все дальше и дальше.

— Траррарах!.. — загудел и задрожал мимо высокий железный мост над какой-то большой, желто-грязной рекой. Лиза заглянула вниз и далеко под собой увидела, показавшиеся ей игрушечно маленькими, лодки, барки, тянувшиеся одна за другой, мокрые дрова на барках, серых маленьких людей, что-то ворочавших длинными тонкими шестами, и мутную, широкую, желтую воду, медленно уплывавшую куда-то, крутясь мелкими воронками и струйками водоворотов. Было грязно и печально на этой желтой реке, в размытых желтых берегах, по которым чахло и мертвенно-неподвижно зубились елки и березки. Все было такое чужое, холодное, незнакомое.

Лиза вдруг с ужасом подумала: «Что они там делают?..»

Было непонятно, чуждо, а потому страшно ей то, что делали маленькие незнакомые люди с длинными шестами, куда и откуда текла мутная река, кто и как жил на размытых желтых берегах, за этими зубчатыми елками и березками.

Когда стало смеркаться, Лиза вздохнула, пошла в вагон, где уже зажгли фонари и задвигались бестолковые огромные тени, и села возле Доры.

«Куда мы едем?» — хотела всей грудью, всем существом своим спросить Лиза, но вместо того сказала своим низким, немного ленивым голосом:

— Паша нас встретит, должно быть. Конечно... — ответила Дора.

Она уже давно перестала читать, и ей было теперь тоскливо, страшно и жалко себя в огромном, угловато неуютном вагоне, где копошились, лущили семечки, говорили неестественно громкими голосами, играли на гармонике и сдержанно ругались какие-то новые, странно грязные и озлобленные на что-то люди. В эту минуту та неведомая, полная движения, шума и успеха жизнь, которая давно ярко рисовалась ее жгучему самолюбию, показалась ей несбыточно невозможной, нелепой и жалкой. Она обрадовалась Лизе и, не спуская блестящих глаз, смотрела из своего темного угла на ее знакомое, давно милое, понятное